

А. А. Хамидов
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник Института философии и политологии
Министерства образования и науки Республики Казахстан

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ И ЕГО ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Последние два десятилетия весьма заметно повышенное внимание к теме и (или) проблеме *толерантности*. Подчас в ней усматривают едва ли не панацею от негативных феноменов, захлестнувших вторую половину XX и начало XXI столетий, – от межэтнических, межнациональных, межконфессиональных и иных розней, конфронтаций, конфликтов. Но так ли надежна она – толерантность? Вот об этом и пойдет у нас речь.

Толерантность (от латинского *tolerantia*, что значит *терпимость*) есть принцип, максима и императив внешне не-агрессивного, не-нетерпимого отношения индивида, группы, этноса, нации, конфессии и т. д. ко всему инаковому – к иным воззрениям, ценностям, обычаям, вероисповеданиям и т. д., – как бы оно ни не согласовывалось со своими собственными, принятыми за правильные, ориентирами, ценностями и т. д. Но принципы, максимы и императивы соответствуют собственному понятию, лишь будучи претворяемые в действительных поступках, поведении, действиях, отношениях. Рассмотрим в этой связи главные типы отношений и их внутреннюю логику.

Как известно, М. М. Бахтин выделил три типа отношений: 1) объект-объектные, 2) субъект-объектные и 3) субъект-субъектные [1]. Он предложил для их обозначения понятия-метафоры (соответственно) «монологические отношения» (для первых двух) и «диалогические отношения» (для третьего типа). Первый тип – если только строго следовать сути дела – не является типом отношений, ибо сферой и границами его

действия является Природа, в которой царит *взаимо-*действие. Взаимодействие есть взаимное воздействие друг на друга конечных, и потому замкнутых на себя, формообразований. Следует отметить, что квалификация отношений как объект-объектных возможна и допустима лишь при условии наличия *субъекта*, который только и может квалифицировать данное отношение именно как объект-объектное. Без него и вне его это – просто взаимодействие конечных формообразований (вещей).

В строго категориальном смысле взаимодействие, как сказано, существует лишь в мире конечных формообразований, то есть в мире Природы. Здесь каждое конечное формообразование, какого бы уровня сложности или развитости (если речь идет о живом) оно ни было, воздействует на другое в своих собственных конечных определениях и в них же испытывает всякое воздействие на него. В силу этого ни одному конечному формообразованию *недоступно* любое вступившее с ним во взаимодействие конечное формообразование таким, каково оно в себе и для себя, в своей собственной качественной, количественной и мерной определенностях, а тем более в определениях своей сущности и имманентной логики бытийствования.

Применительно к культуре можно говорить, конечно, уже не об объект-объектных отношениях, а о том, что в качестве модели отношения между людьми и культурами может избираться и практиковаться *взаимо-*действие. Отношения между ними являются *социал-атомистическими* отношениями, притом закрытого типа. Такие отношения вполне естественны и потому оправданны для той стадии культурно-исторического процесса, которая представляет собой несгармонизированное существование и сосуществование многообразных локальных этнокультурных образований, то есть они вполне релевантны лишь на самых начальных стадиях антропо-социо-культурно-генеза, когда еще не сформировалась этнокультурная самоидентификация. Когда же последняя уже сформировалась и стала атрибутивной этническому самосознанию, тогда устанавливается взаимодействие по логике субъект-объектных отношений. Именно данное взаимодействие заслуживает наименования *монологического*. Монологизм как принцип отношения одного этнокультурного образования к другому или одного индивида к другому заключается в обнаружении и действенном осуществлении каждым (или одним из них) собственной закрытости, *своецентризма* и *своемерия*, *самоутверждения* и отрицания за другим каких-либо самостоятельных, имеющих право быть атрибутами. Но при этом следует учитывать, что монологизм, монологическое взаимодействие между культурами или индивидами может быть: 1) пассивно-пассивным, 2) активно-пассивным, 3) активно-активным, которое, в свою очередь, бывает: а) лояльным, мирным и б) агрессивным, в том числе и милитарным.

Более высоким уровнем соприкосновения культур или индивидов является *взаимоотношение*. Оно соответствует логике субъект-субъектных отношений. Понятием-метафорой для него у М. М. Бахтина, как отмечено, является «диалогическое отношение». При этом он считал диалогическое отношение *высшей* формой взаимоотношения людей и культур. Что это не так, будет показано ниже. Само диалогическое отношение, снимающее собою и внутри себя монологическое отношение, существует в *двух* типах. Характеристику этих типов можно обнаружить и в работах М. М. Бахтина (но, судя по всему, сам он их для себя не различал). Первый тип характеризуется тем, что в пределах диалогического отношения другая культура или другой человек принимаются не столько как самоценные в себе и для себя, сколько как необходимое (и даже неизбежное) *средство* собственного *самопостижения*. Целью, точнее самоцелью, здесь выступает каждая из культур или каждый из индивидов для самих себя. Из такого диалогического отношения каждая культура выходит фактически *той же самой*. Культуры здесь взаимно *не* развивают и тем более *не* совершенствуют содержательно друг друга. Единственным приращением к каждой является лишь более глубокое самопознание их, познание каждой прежде всего – себя.

Второй тип диалогического взаимоотношения культур качественно отличен от первого. В пределах данного типа диалогического отношения культуры уже не относятся друг к другу как к всего лишь средству (хотя бы и только средству самопознания). В то же время каждая из культур остается для себя *самоцельной*, а потому она стремится взаимодействовать у другой культуры *лишь то*, что, будучи ассимилировано внутри нее, ведет лишь к *ее* развитию, то есть лишь то, что *ей* приемлемо, и отворачивается от всего того, что может нарушить *ее* самоидентичность. Это – тоже *прагматическое* отношение. Следовательно, в пределах данного типа диалога культуры взаимно развиваются, осуществляют трансцендирование, но это – трансцендирование лишь в *горизонтальной* плоскости.

Но взаимоотношение культур не сводится к диалогическому отношению как таковому. Выше и монологизма, и диалогизма обоих типов может быть лишь *полифонизм*, полифоническое отношение. Следует отметить, что М. М. Бахтин также применял понятие-метафору «полифония», противопоставляя его «гомофонии». Попутно отметим, что и у М. М. Бахтина, и у Г. С. Батищева встречается словосочетание «полифонический диалог». По нашему мнению, это даже не плеоназм; это – неточность. В пределах полифонического отношения, которое снимает внутри себя ближайшим образом второй из охарактеризованных выше типов диалогического отношения, также осуществляется культурное *само-*определение, но смысл его иной. Это уже не свое-мерное и свое-центристское само-утвержденчество. Здесь каждая из вступивших в полифоническое отношение культура не только стремится развить то, что заложено во всех них, но и совершенствовать *себя* и *друг друга* посредством творческого синтеза достояний и потенций друг друга. Каждая культура не является для себя самоцелью; она проблематизирует *самое себя* не только перед каждой другой, но также и перед неким *выше них* стоящим *идеалом-смыслом*, перед безусловными ценностями Истины, Добра, Красоты, Святости. Здесь, стало быть, совершается трансцендирование также и по ценностно-смысловой *вертикали*. Полифонизм культур (если ограничиться ими) – путь к единой, но, как отмечено в начале данной статьи, отнюдь *не* унифицированной, а *многоликой*, универсально-человеческой, глобальной Культуре. Но культуры как таковые не суть субъекты. Субъектами могут быть и действительно ими являются лишь *люди* – наследники и творцы своих культур. Стало быть, монологизм, диалогизм и полифонизм – это, в первую очередь, способы отношения *между людьми-субъектами*. Но если бросить взгляд на культурно-исторический процесс в его прошлом и настоящем, то легко можно обнаружить, что в нем преобладали и продолжают преобладать две формы соприкосновения культур (мы в данном случае абстрагируемся от различия культуры и цивилизации): 1) монологически-плюралистическое взаимодействие и 2) диалогически-прагматическое *конечное* взаимоотношение.

Обратимся теперь на отношения между конфессионализованными религиями в свете только что изложенного. Именно в адрес этих отношений сегодня много говорится о необходимости претворения в них принципа толерантности.

Монологизму, конечно же, чужд сам принцип толерантности. Слов нет, логика монологизма, какую бы (мягкую или жесткую, пассивную или же агрессивно-активную) форму он ни принимал, не может быть средством решения проблемы гармонизации отношений между культурами, конфессиями, индивидами. Монологизму, как сказано, присущи экстравертированные свое-центризм, свое-мерие, свое-доминантность, свое-законничество (автономизм) и интенция на само-утвержденчество. Все нынешние ведущие конфессии исповедуют и претворяют именно принцип монологизма. Как очень точно отметил еще в 1842 г. Маркс, «каждая религия полагает, что она отличается от всех остальных – особых, *мнимых* – религий своей *особенной сущностью*, и что именно она в этой своей *определенности* и является *истинной религией*» [2]. Каждая конкретная религия почитает себя *Религией par excellence*. Каждая полагает себя Эталоном и Нормой и измеряет каждую другую *лишь своим собственным* Мерилом. Проблематизации и критике

подвергаются лишь другие конфессии, но никогда не проблематизируются перед лицом других конфессий свои собственные парадигмальные и критериальные основания. Превозносимый ныне *плюрализм* – это и есть сосуществование множества монологизмов.

Спрашивается теперь: возможен ли и необходим ли диалог между конфессиями или хотя бы между мировыми Религиями? *Да*, возможен и даже необходим. Но способен ли он сколько-нибудь радикально решить или хотя бы приблизиться к решению проблемы преодоления религиозных противостояний? Увы, приходится дать *отрицательный* ответ. Почему? Попробуем разобраться.

В религии можно выделить *три* основных уровня: доктринальный, ритуально-культурный и организационный. Очевидно, что по поводу последнего может вестись содержательный диалог, могущий в конечном счете привести к усовершенствованию истецлишмента каждой из конфессий. Труднее, но, видимо, тоже возможно, взаимообогащение конфессий на уровне культа. Однако основным является доктринальный уровень, и, прежде всего, концепта Абсолютного Сверхначала. В теистических конфессиях он понимается как Теос, в нетеистических как нечто принципиально неопределимое (Брахман, как известно, часто именуется как *То*). Но и среди теистических конфессий (в частности, между иудаизмом, христианством и исламом) *нет* единства в вопросе о его сущности, атрибутах и т. д. Так, известный мусульманский теолог М. Н. аль-Атгас утверждает: «Существует лишь одна истинная религия Откровения, и называется она ислам, и те, кто следует ее путем, удостоены Божественной похвалы как лучшие из всех представителей человеческого рода» [3]. Религия Откровения, согласно ему, – *высшая* форма религии, но все имевшие место доисламские откровения (данные через Моше-Моисея и Иисуса Христа) – лишь ступени, тогда как откровение, данное через Мухаммада, – якобы последнее, окончательное, а потому самое высшее. Сходные суждения можно найти и у христиан. Так, русские евразийцы писали: «Православие – не одно из многих равноценных христианских исповеданий. [...] Православие – высшее, единственное в своей полноте и непорочности исповедание христианства. Вне его все – или язычество, или ересь, или раскол» [4]. Любопытно при этом, что к *язычеству* они отнесли и такие мировые религии, как *буддизм и ислам* [5].

«Великие мировые религии, вышедшие когда-то за рамки племен, – пишет Г. С. Померанц, – привели к духовной интеграции огромных регионов, создали каждая целый мир, христианский мир, мир ислама и так далее, но сегодня они играют двойственную роль: сближают – более или менее – народы одного региона, одного традиционного мира; а в глобальных масштабах христианство, ислам, индуизм, буддизм сами стали чем-то вроде новых племен. Мир вышел за рамки древних регионов, мир стал единым, а религиозные культуры остались разными, и они сталкиваются друг с другом в одном информационном пространстве» [6]. Что в таком случае может дать межконфессиональный диалог? Если в ходе и в результате диалогического отношения конфессии, говоря словами Бахтина, «не сливаются и не смешиваются», то, получается, в общем, что каждая выходит из диалога *без* существенных изменений. Диалог в этом случае оказывается *бесперспективным* и даже – в конечном счете – *бессмысленным*.

Конечно, он неизмеримо *предпочтительнее* монологизма; по крайней мере, он лишен агрессивности. Но из диалога своемерных и своецентричных индивидов ли, групп ли, конфессий ли и т. д. может родиться лишь «мотив диалогизма как холодного договора самоутвержденцев об уравнивании прав на самоутверждение...» [7]. Нечто аналогичное ныне и происходит с конфессиями. Их диалог есть, говоря словами Г. С. Батищева, «диалог-договор», гарантирующий им мирное сосуществование и тем самым сохранение *status quo*. Одной из форм проявления такого диалога-договора и является *всячески* превозносимая ныне *толерантность*, то бишь терпимость. Скрытым принципом толерантности являются *все те же* своецентризм, своемерие, своедоминантность: своемер-

ные конфессии просто *терпят* друг друга, будучи каждая глубоко убежденной исключительно в *собственной* правоте и в «явной» неправоте другой (и других). Тем самым принцип толерантности в межконфессиональных отношениях предстает как своеобразный конфессиональный мазохизм. Но главное в том, что он и *не посягает* на принцип плюрализма.

Стало быть, диалогический принцип, примененный к взаимодействию конфессиионизированных Религий, и его внешнее оформление – толерантность – *не решает* проблему их взаимного противостояния, а лишь *камуфлирует* ее, загоняя внутрь. Но есть ли нечто более высокое, чем диалогизм, применительно к отношениям между конфессиями? Как уже сказано, есть. Это – *полифонизм*. Именно полифонизм преодолевает как гетерономию, так и автономию, преодолевает всяческий своецентризм, своемерие, своедоминантность и самоутвержденчество. Но и он *сам по себе* мало чему может помочь. Ведь проблема отнюдь не сводится – на доктринальном уровне – лишь к выработке некоей конвенционально сконструированной общеприемлемой религиозной картины Мира. Проблема состоит в том, что к настоящему времени *конфессионально оформленная религиозность* полностью и окончательно себя *исчерпала*. Она стала тормозом, ингибитором религиозного и вообще культурного прогресса.

Возникает вопрос: где же выход? Выход – в кардинальной трансформации способа бытия Человека относительно Абсолюта. Религарная мироотношенческая модальность прошла две ступени эволюционирования – *Связь* и *Отношение* [8]. Связь – до-свободна; Отношение – свободно. И то и другое равно *односторонни*, хотя первая и более подлинна, чем второе. Необходимо переходить на *новый* онтологический уровень – на уровень *Взаимо-Отношения* Человека и Абсолюта. Именно оно заслуживает наименования «глубинное общение», введенного Г. С. Батищевым. Подлинность ВзаимоОтношения обретается не сразу, не вдруг, но на трудном и длительном пути восхождения Человека, но иного – онтологически релевантного – пути у человечества *нет*. *Де-конфессионализация* всех Религий – первый необходимый шаг на этом пути. Вторым шагом должна стать радикальная трансформация всех структурных уровней Религии на началах гармонического типа связей и отношений [9].

Нынешние же Религии внутри себя построены на основе социал-органических замкнутых связей и отношений, а взаимоотносятся друг с другом – по логике социал-атомистических замкнутых. Перестройка же религиозности на началах гармонических связей и отношений ведет к смене *приоритетов*: подлинным ее субъектом становится не *общность*, но *личность*. Ведь личностная жизнь обладает принципиальной *открытостью*, она лишена всяческого своецентризма, своемерия, своезакония, интенции на самоутверждение. *Только* между личностными мирами во всей их многоуровневости и многомерности возможно полноценное полифонирование, в процессе которого происходит действительное взаимообогащение этих миров. И здесь какое-то особое культивирование толерантности – излишне: она *в снятом* виде уже содержится в полифонировании. Отсюда следует, что только между Личностями возможно подлинное религиозное (= религарное) полифонирование, возможен подлинный религиозный, как и всякий иной, полифонизм. В этот процесс полифонирования вовлекается личностный религарный опыт каждого, и благодаря этому он обогащается, вновь и вновь ввергаясь в этот процесс. Вследствие этого данный опыт застрахован от всяческой унификации, формализации, канонизации, догматизации и т. д. и тем самым – от омертвления.

Толерантность же есть не более чем *паллиатив*. Принцип и императив толерантности ориентируют на то, чтобы *все* – индивиды, этносы, нации, конфессии и т. д. – оставались *такими же, каковы они суть*, но только лишь чтобы они не проявляли вовне своей внутренней нетерпимости, *нон-толрантности* ко всему инаковому. Чтобы царил, так сказать, «тишь да благодать».

Литература

1. Бахтин М. М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Он же. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 6. – М., 2002. – С. 397.
2. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Т. 1. – М., 1955. – С. 10.
3. Аль-Атгас М. Н. Сейд. Введение в метафизику ислама. Изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. – М., Куала Лумпур, 2001. – С. 13. Ср.: – С. 12.
4. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. – М., 1992. – С. 362.
5. См.: Там же. – С. 364–365.
6. Померанц Г. Диалог культурных миров // Лики культуры. Альманах. – М., 1995. – Т. 1. – С. 450.
7. Батищев Г. С. Диалогизм или полифонизм? (Антитетика в идейном наследии М. М. Бахтина) // М. М. Бахтин как философ. – М., 1992. – С. 137.
8. См. об этом: Хамидов А. А. Религия как мироотношенческая модальность // Религия в политике и культуре современного Казахстана. – Астана, 2004.
9. Подробнее см.: Хамидов А. А. Конфессионально оформленная религия как социокультурный фактор // Там же.